

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИИ ИГИЛ В ЛИВИИ

© 2019 г. А. Васильев, Н. Жерлицына

ВАСИЛЬЕВ Алексей Михайлович, академик РАН, профессор,
Институт Африки РАН (ИАФР РАН), РФ, 123001 Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1;
Российский университет дружбы народов (РУДН), 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (ns_inafr@mail.ru).

ЖЕРЛИЦЫНА Наталья Александровна, кандидат исторических наук, доцент,
Институт Африки РАН (ИАФР РАН), РФ, 123001 Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1;
Российский университет дружбы народов (РУДН), 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (ns_inafr@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 26.06.2019.

В статье анализируются перспективы присутствия террористической организации ИГИЛ¹ (ДАИШ) в Ливии после поражения в 2016 г. В этой стране с 2011 г. по настоящее время идет разрушительная гражданская война, ставящая под сомнение само существование ливийской государственности и создающей почву для распространения в регионе (и в целом в Средиземноморье) радикализма и преступности. Хотя ливийским властям при помощи международного сообщества удалось лишить ИГИЛ опорного пункта в Сирте в 2016 г., радикальная организация смогла восстановиться, реорганизоваться и вновь претендует на то, чтобы определять дальнейшую судьбу Ливии и Сахеля.

Ключевые слова: Ливия, гражданская война, ИГИЛ, Ливийская национальная армия, Хафтар, Сахель, Фецфан, терроризм, партизанская тактика, “пустынная армия”.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-101-108

За последние несколько лет после свержения М. Каддафи деятельность террористических организаций и вооруженных групп в Ливии способствовала еще большей фрагментации этой страны по региональным, племенным и идеологическим линиям. Порочный круг насилия, расширяясь, распространился от внутреннего ливийского конфликта к соседним государствам, угрожая и Средиземноморскому региону. Распад государства в Ливии привел также к развитию новой незаконной экономики, причем не только в виде контрабанды оружия, но и в форме трансграничных операций, особенно незаконной иммиграции и торговли людьми. Это все больше осложняет нерешенные политические вопросы, связанные с неарабскими меньшинствами в Ливии (как, например, *тебу* или *туареги*), и вполне может оказать более широкое воздействие на соседние страны в предстоящие годы.

Различные аспекты темы влияния исламистского экстремизма в Ливии на международную безопасность ввиду их актуальности исследуются в трудах российских, арабских, западных ученых. Так, в российской историографии наиболее полно данная тема отражена в статьях С.М. Иванова, В.А. Кузнецова, Д.А. Нечитайло, Л.Л. Хопёрской и других ученых [1, 2, 3, 4]. Эта проблема подробно разрабатывается и в работах исследователей из США, Великобритании и Франции. Особого внимания заслуживает монография Фаваза Герджеса,

статьи Э. Санчес-Матеос, Т.Р. Мак-Кэйба и Р. Лефевра в таких авторитетных журналах, как *The Journal of North African Studies* и *Middle East Quarterly* [5, 6, 7, 8]. Из трудов арабских ученых, посвященных эволюции ИГИЛ в Ливии, выделяются статьи М. Нуруззамана для *Global Affairs* и Хаддада Саида для *L'Année du Maghreb* [9, 10].

НОВЫЙ РАУНД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

4 апреля 2019 г. командующий Ливийской национальной армией (ЛНА) фельдмаршал Х. Хафтар объявил о начале операции по освобождению Триполи от иностранных террористов и ливийских исламистских вооруженных группировок различной степени радикализации. Базирующиеся в столице вооруженные формирования ответили кампанией “Вулкан гнева”. Таким образом, Ливия вернулась к насилию, грозящему возобновлением полномасштабной гражданской войны. В настоящее время здесь действуют два правительства: признанное международным сообществом Правительство национального согласия (ПНС) Фаиза Сараджа в Триполи и кабинет на востоке страны, который поддерживается Ливийской национальной армией (ЛНА) во главе с Хафтаром. До сих пор попытки сторон прийти к урегулированию в рамках политического соглашения не принесли результатов. Между тем именно гражданская война и связанные с ней тяжелые социально-экономические последствия, распад государственного управления, бездействие законов, расцвет насилия явля-

¹ Организация, запрещенная в России.

ются ключевыми факторами присутствия в Ливии радикальных джихадистских группировок.

ИГИЛ В ЛИВИИ

После убийства М. Каддафи и распада страны на конгломерат из нескольких квазигосударств вакуум суверенитета и безопасности расширился, что значительно облегчило возможность террористической организации ИГИЛ закрепиться в Ливии. Она появилась здесь с середины 2014 г. и с тех пор стала самым мощным филиалом “Исламского государства” за пределами Сирии и Ирака, а также одной из сильнейших экстремистских группировок, действующих в Ливии.

Лидер ИГИЛ Абу Бакр аль-Багдади официально признал присутствие группировки в Ливии в ноябре 2014 г. Эта североафриканская страна рассматривалась руководством ИГИЛ как резервная зона и, с ее нефтяными богатствами, – как “колодец ресурсов, которые не могут иссякнуть” [11, р. 169]. В январе 2015 г. центральное руководство террористической организации командировало губернатора г. Киркука (иракский Курдистан), находящегося тогда под властью ИГИЛ, Аль-Джубори для оказания помощи в создании филиала ИГИЛ в Триполи. В течение 2015 г. были созданы механизмы территориального контроля и управления в некоторых районах Дерны, Бенгази и Сабраты [9, р. 298]. Затем группировка предприняла попытку захватить г. Сирт и район “нефтяного полумесяца” – расположенные по дуге вдоль Средиземноморского побережья города-порты Зувейтина, Мерса-Брега, Рас-Лануф и Сидр. К этому времени в Ливии насчитывалось до 6500 боевиков организации [12]. Весной 2015 г. она начала расширяться на центральном побережье Ливии, в конечном итоге захватив г. Сирт и установив там опорный пункт. Именно вокруг этого города боевики ИГИЛ создали свое североафриканское квазигосударство. Руководство террористической группировки разделило Ливию на три вилайета: вилайет Триполитания, или западная провинция, Вилайет Феццан, или южная провинция, и вилайет Барка, или восточная провинция.

К этому времени Ливия стала “безопасным районом” для джихадистов, дестабилизируя при этом весь регион Магриба. Стратегическое значение этой страны для радикальных группировок сформулировано в интервью с лидером ИГИЛ в Ливии Абу Набилем аль-Анбари (он же Абуль-Мугира аль-Кахтани), опубликованном в сентябре 2015 г. в интернет-журнале ИГ *Dabiq*. Он заявил, что Ливия “находится в Африке и на юге Европы... Это также ворота в африканскую пустыню, простирающуюся до ряда африканских стран”. А учитывая важные нефтяные и газовые ресурсы Ливии и за-

висимость от них европейских стран, “контроль ИГИЛ над этим регионом приведет к экономическим кризисам, особенно в Италии и остальных европейских государствах” [13, р. 32].

Утверждение ИГИЛ в Ливии ухудшило ситуацию во всем Магрибе. Соседний Тунис был серьезно дестабилизирован, особенно в плане безопасности в политической и экономической сфере, что создавало угрозу для его демократического перехода, особенно в 2015–2016 гг. Действительно, самые кровавые террористические нападения, которые произошли в стране, были спланированы в Ливии и совершены молодыми тунисцами, связанными с группировкой “Исламское государство” (ИГИЛ), которые проходили подготовку в Ливии. Среди этих акций – июньский теракт 2015 г. на приморском курорте Сус, в результате которого погибли 38 туристов из Европы. Он остается по сей день самым смертоносным терактом в истории Туниса. Известно, что не менее 1500 молодых тунисцев примкнули к джихадистам в Ливии [14].

Тунисские радикалы, вступившие в ИГИЛ, имели свою отдельную базу в Сабрате, в 78 км к западу от Триполи и всего в 102 км к востоку от тунисской границы. Лагерь в Сабрате, организованный одним из лидеров ливийского джихада Абдельхакимом Аль-Машутой, служил безопасным убежищем для боевиков за пределами досягаемости тунисских властей, позволяя им вести джихад в Ливии, а также готовить атаки на родине. Сабрата была связующим звеном между командованием ИГИЛ и членами организации в Тунисе. Лагерь был внешним оперативным центром организации в Тунисе и играл центральную роль в мобилизации тунисских джихадистов для боев за Сирт и Бенгази.

Территориальный охват террористической организации расширялся с января по май 2016 г. Но дальнейшему ее распространению препятствовал ряд факторов: большинство ливийцев не ассоциировали себя с ее идеологией, питали отвращение к ее жестоким методам и не доверяли “иностранному” происхождению и управлению организацией. Та часть населения Ливии, которая склонялась к исламистской идеологии, могла примкнуть к различным местным группировкам и отрядам ополчения. Таким образом, ИГИЛ не удалось сразу найти для себя нишу и базу социальной поддержки. Поэтому, когда в мае 2016 г. их вооруженные силы вторглись в Абу-Грейн близ г. Мисраты, где находилось руководство многих мощных ополчений Ливии, коалиция ливийских ополченцев решила остановить чужаков, объявив о начале операции “Аль-Буньян аль-Марсус” (“Неприступная святыня”) [15]. Силы, лояльные ПНС премьера Сараджа, начали масштабную антитеррористическую операцию по освобождению Сирта и его пригородов от формирований ИГИЛ. Она проходила при

поддержке боевой авиации США, которая нанесла почти 500 ударов в самом городе и его окрестностях. 6 декабря 2016 г. было объявлено о победе над ИГИЛ и о его изгнании из Сирта. Вслед за Сиртом тунисское крыло организации было вытеснено и из лагеря в Сабрате.

Утрата Сирта изменила положение исламистской группировки и заставила искать новую стратегию по отношению к Ливии. Теперь организация уже не соответствовала своему названию: лишившись географического плацдарма, ИГИЛ не могла претендовать на название “государство”. Она стала одной из многих террористических организаций, действующих из тайных, постоянно меняющихся укрытий. Утрата атрибутов государственности помимо престижа лишила террористов ощутимых доходов и преимуществ, связанных главным образом с налогами и контрабандой нефти (в размере сотен миллионов долларов), возможности вербовки сторонников с подконтрольных территорий и привлечения на этот плацдарм единомышленников со всего мира.

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ИГИЛ В ЛИВИИ

Террористической группировке ИГИЛ потребовалось более года, чтобы осмыслить новое положение, перегруппироваться и изменить стратегию в Ливии. Джихадисты больше не стремились завоевать или удержать территорию, сосредоточившись на более традиционных подрывных действиях и терроризме. Новая стратегия направлена на дальнейший подрыв и ослабление “врага” в лице ливийского национального государства, с которым ИГИЛ соперничает за ресурсы, в том числе людские, и конкурирует в идеологическом доминировании. Целью ИГИЛ является также предотвращение восстановления аппарата государственной безопасности и достаточной социальной сплоченности общества, что способствовало бы установлению политического порядка и положило конец присутствию радикалов на территории.

Руководители ливийского отделения ИГИЛ решили сосредоточить оставшиеся силы на атаках, направленных против двух жизненно важных сфер разрушенной Ливии: громких террористических актов в отношении знаковых государственных учреждений и партизанской войне в самой проблемной провинции – пустынном Феццане. Три громких террористических акта произошли в 2018 г. В мае террористы-смертники совершили нападение на штаб-квартиру Ливийской Высшей Национальной избирательной комиссии, в результате которого погибли 14 человек и десятки получили ранения. В сентябре боевики ИГИЛ осуществили атаку на штаб-квартиру Ливийской национальной нефтяной корпорации, повлекшую гибель двух

человек. 25 декабря 2018 г. был совершен теракт в отношении штаб-квартиры МИД в Триполи, в результате убиты 2 человека и более 10 ранены [16]. В 2019 г., в конце апреля, пока под Триполи продолжалось противостояние войск Хафтара и Сараджа, боевики ИГИЛ напали на населенный пункт к югу от Сирта. Жертвами террористов стали более 30 человек – гражданских лиц и ополченцев.

Таким образом, эти продуманные и подготовленные нападения были направлены против Министерства иностранных дел Ливии, Национальной нефтяной корпорации и Высшей Национальной избирательной комиссии. Атакуя эти институты, ИГИЛ, по-видимому, пытается не допустить поступление иностранной помощи, ослабить восстанавливающийся нефтяной сектор страны, от которого зависит вся экономика, сорвать выборы и запугать население.

Эти нападения прямо соответствуют сформулированным стратегическим целям ИГИЛ, направленным на то, чтобы сломать или предотвратить восстановление государственных институтов и устранить западное присутствие в арабских странах. Взяв на себя ответственность за нападение на Высшую Национальную избирательную комиссию, руководители ИГИЛ заявили, что нападение было ответом на призыв “атаковать отступнические избирательные центры и тех, кто призывает к выборам”. Комментируя нападение на нефтяную корпорацию, представители террористов характеризовали ее как “продолжение атак против экономических интересов правительств-тиранов Ливии, которые являются союзниками крестоносцев” [17]. Расчетливые действия джихадистов принесли свои плоды: планы по возвращению в Триполи в первом квартале 2019 г. ряда иностранных посольств и дипломатических миссий были отменены из-за высокой террористической угрозы.

После утраты географического плацдарма на Средиземноморском побережье Ливии джихадисты в поисках базы для операций устремились в пустынные районы на юге Ливии. Обширный и пустынный регион Феццан практически никем не контролируется. Он представляет собой некий конгломерат племен, причем это не сплошная территория, а в основном оазисы в пустыне, каждый из которых имеет свои автономные племенные власти. Уже несколько лет Феццан является центром незаконной и террористической деятельности. Контрабанда всех видов – людей, нефти, золота, оружия и наркотиков – свирепствует, в то время как террористические и военные группы из Ливии и соседних стран, особенно Чада и Судана, используют эту территорию под свои базы. Ситуация осложняется тем, что в Феццане проживают не только арабы, но и две другие основные этнические

группы – тубу и туареги, объединенные трансграничными клановыми связями с соседями в африканских странах. Напряженность и межобщинные конфликты стали обычным явлением в Феццане.

Распад Ливии является непосредственной причиной нынешней тревожной ситуации во всем регионе Сахеля. Дезинтеграция страны ускорила процесс распада слабых региональных государств Сахеля, происходящего во многом под воздействием базирующихся в регионе террористических организаций, сильнейшей из которых является “Аль-Каида в странах исламского Магриба” (АКИМ). Хаос в Ливии, распространение большого количества оружия из запасов армии Каддафи и безвластие и нищета в Феццане, превращающего регион в тыловую базу джихадистских организаций, способствуют повторению Сахелем пути Афганистана, перерождению этого региона в “новый Джихадистан” на карте мира.

Власти Ливии, в частности руководство ЛНА в лице фельдмаршала Х. Хафтара, осознавая необходимость наведения порядка в южном регионе, используют нестандартное сочетание разнообразных методов: военных, дипломатических, экономических. В октябре 2018 г. главнокомандующий ЛНА своим указом сформировал оперативный штаб боевых действий на юго-западе страны. Согласно заявлению командования ЛНА, штаб создан с целью “полного выдворения с ливийской территории иностранных вооруженных групп” [18]. Вытесняя военными средствами за границы Ливии “чадские банды”, Хафтар одновременно проводит переговоры в самом густонаселенном городе Феццана Себхе с влиятельными главами местных племен. Взят под контроль ключевые объекты и обеспечив безопасность, руководство ЛНА пытается добиться лояльности местного населения решением насущных социальных проблем: поставкой продовольствия и медикаментов, разрешением кризиса дефицита наличных денег [6, р. 471]. Такая тактика позволяет ЛНА на время заручиться поддержкой населения и глав племен.

За первые два месяца 2019 г. ЛНА взяла под контроль города Себху, Мурзук и Гат и овладела аэродромами Катрун и Вигх, что позволяет ей в будущем стать первой силой с момента падения режима Каддафи, способной эффективно распространить свой контроль на Феццан.

Боевики ИГИЛ в Ливии создали в марте 2018 г. “пустынную армию”, состоящую по крайней мере из трех бригад [19]. Они используют Феццан не только как базу для планирования нападений, обучения боевиков и получения ресурсов, но и как слабое место государства, удары по которому помогают сорвать попытки установить законность и порядок. Так, начиная с 2018 г. атаки ИГИЛ на

юге Ливии неуклонно нарастают. В феврале смертник на заминированной машине протаранил армейский КПП в районе небольшого населенного пункта Ваддан южнее оазиса Эль-Джужфра, убив пятерых военнослужащих ЛНА. Второе нападение было направлено против представителей Правительства национального согласия: джихадисты открыли огонь по контрольно-пропускному пункту сил безопасности ПНС в городе Умм эль-Аранби в 150 км к югу от города Себха, жертвами теракта стали представители сил безопасности ПНС. В июле 2018 г. около 20 боевиков напали на гидротехническое сооружение, находящееся приблизительно в 50 км от г. Тазербо, два сотрудника гидротехнической компании были убиты. Вооруженные лица около часа хозяйничали на объекте, грабили продовольственные лавки и “наводили ужас на местных жителей” [20]. В октябре 2018 г. целями атак ИГИЛ на юге Ливии стали пост полиции в Джафре и воинский кордон ЛНА. В ноябре совершено вооруженное нападение группы боевиков ИГИЛ в населенном пункте Тазербо. При отступлении радикалы захватили 10 заложников. В апреле 2019 г. нападение произошло в селении Эль-Фукаха региона Эль-Джужфра. Экстремисты вторглись в населенный пункт на рассвете на 13 машинах, после чего отключили в нем сотовую связь и полностью обесточили. Затем они ворвались в дом местного главы Хамада Сасси и застрелили его. Был убит и начальник муниципальной охраны. Перед тем, как скрыться, террористы сожгли несколько зданий, в том числе расположение сил самообороны, и похитили местного жителя [21].

В апреле – начале мая 2019 г. целями террористов все чаще становились военные объекты ЛНА. Так, целью нападений стали военная авиабаза и тренировочный лагерь ЛНА близ г. Себхи.

Выбор объектами нападения государственных и военных учреждений отвечает стратегическим задачам ИГИЛ по подрыву начального этапа государственного строительства в Ливии. В Феццане они используют тактику партизанской войны: мобильные группы боевиков численностью 15–20 человек наносят быстрые неожиданные удары, которые готовятся заранее. Боевики демонстрируют ситуационную осведомленность, что свидетельствует о наличии скрытых ячеек, информаторов и связей в местных общинах. По-видимому, ИГИЛ извлекло уроки из первоначальных трудностей: в момент их появления в Феццане практически отсутствовали или были крайне ограниченными их связи в данном районе. Это слабое место ИГИЛ сыграло свою роль еще в 2014–2016 гг., когда большинство ливийцев отказало группировке в поддержке из-за ее жестоких методов и идеологической и культурной чужеродности. В Феццане, помимо запугивания населения, организация прибегает к “экономи-

ческим” методам, чтобы завоевать симпатии глав племен. Известно, что руководители ИГИЛ направляли своих эмиссаров в города Звеля, Темесс и Убари с крупными суммами для подкупа [22].

После потери географического плацдарма в Ливии, руководству ИГИЛ, помимо смены боевой стратегии и тактики, пришлось искать новые методы финансирования организации. В период 2015–2016 гг. террористическая организация располагала бюджетом в десятки, возможно, и сотни миллионов долларов, захваченных в результате ограбления банков, контрабанды нефти и налогообложения территорий, которые она контролировала. Сейчас ИГИЛ, вероятно, еще удерживает некоторую часть денежных средств, накопленных в Сирте. Помимо этого, террористы занимаются вымогательством, задерживая гражданских лиц на самовольно установленных контрольно-пропускных пунктах, похищают людей для выкупа, совершают рейды на местные посты безопасности и участвуют в контрабанде. Организация также специализируется на рэкете мигрантов; вынужденное перебазирование ИГИЛ на юг Ливии способствовало расширению ее участия в незаконном перемещении мигрантов.

Смена статуса ИГИЛ в Ливии с “государственного” на “партизанский” и переориентация активности на южные регионы повлекли и изменения в его составе. По данным *AFRICOM*, в 2018 г. в Ливии насчитывалось до 750 членов ИГИЛ, ливийцев в их числе – только около 20% [23]. Большинство иностранных боевиков были из Туниса, Египта и Судана с заметным представительством из Чада, Нигера, Сенегала, Гамбии, Ганы, Эритреи, Мали и Саудовской Аравии [24]. После падения Сирта африканцы, выходцы из стран южнее Сахары, постепенно увеличивают свое присутствие в ИГИЛ в Ливии, при этом группа использует свои связи с сетями торговли людьми для вербовки мигрантов, пытающихся добраться до Европы. Поэтому южные отряды ИГИЛ состоят как из тех, кто бежал из Сирта, так и из вновь присоединившихся из числа африканских мигрантов. Группы радикалов, совершающие теракты в Феццане, состоят преимущественно из африканцев, выходцев из стран южнее Сахары. Так, “пустынная армия” ИГИЛ была сформирована в том числе и из суданцев, последователей Масаада Аль-Сидейры, чья группа “*Джамаат аль-итисам биль-Коран валь-Сунна*” (“*Группа преданности Корану и Сунне*”) оказала поддержку ИГИЛ, занимаясь в том числе вербовкой боевиков для Ливии и Сирии, а затем была подавлена суданскими властями [25].

Новобранцы въезжали в Ливию через горное местечко Джабаль-Увайнат по маршрутам торговцев людьми на стыке ливийской, египетской

и суданской границ. Именно африканцы из стран Сахеля являются на сегодняшний день главной целевой аудиторией пропаганды ИГИЛ: именно они представлены в его пропагандистских видеороликах, выпускаемых в Ливии. Можно констатировать, что ИГИЛ так и не удалось преуспеть в вербовке ливийцев, что остается главным ограничивающим фактором для закрепления организации в Триполитании и Киренаике. Только Феццан, в котором пока не удается установить власть и законность, может давать рекрутов для террористов ИГ. Но и это проблематично, учитывая конкуренцию радикальных группировок в этом регионе, прежде всего со стороны местной “Аль-Каиды в исламском Магрибе”.

Организационная структура ИГИЛ также претерпела изменения в соответствии с его новым положением в Ливии. Квазигосударственная система управления, состоящая из диванов (министерств) с иерархической цепочкой руководства, сменилась на горизонтальные командные структуры, необходимые для координации действий партизанских бригад и сетевых ячеек. Вследствие боев за Сирт в 2016 г. и авиаударов США по ключевым лагерям ИГИЛ близ Сирта, Бани-Валида и Сабраты руководство радикалов высшего и среднего звена было значительно ослаблено. И в настоящее время ливийские власти и армия продолжают уничтожать террористов. ИГИЛ в Ливии после 2016 г. возглавляли несколько одиозных командиров. Махмуд аль-Бараси по прозвищу “Эмир Бенгази” – ливийский гражданин, выходец с востока страны, основал отделение ИГИЛ в Бенгази. Он руководил операциями по взрывам и убийствам представителей местных сил безопасности и несет ответственность за все террористические нападения в Бенгази [26]. После изгнания радикалов из прибрежных районов Ливии он возглавлял группы, действующие в пустынных районах между Аждабией и Бани-Валид. Предположительно он был убит в июле 2018 г. в столкновениях вокруг Вади аль-Джафа вместе с остальными нападавшими. Высокоточным ударом ВВС США в конце августа 2018 г. близ Бани-Валида был ликвидирован и другой лидер ИГИЛ в этом городе – Валид аль-Варфалли. Командующим “пустынными бригадами” ИГИЛ считался аль-Махди Раджаб Дангу (или Абу Баракат, аль-Махди Салем Дангу). Он тоже был ливийцем, родился в Сирте в 1981 г. Некоторое время работал в шариатском суде в Мосуле под руководством лидера ИГИЛ Абу Бакра аль-Багдади, но вернулся в Ливию, следуя плану аль-Багдади по укреплению филиалов ИГИЛ в Северной Африке. В 2014–2016 гг. аль-Махди Раджаб Дангу возглавлял “военный диван” ИГИЛ в Сирте, но после его падения перебрался в Феццан, считался *создателем и командующим* “пустынной армией” ИГИЛ. В январе

2019 г. в результате спецоперации, проведенной ЛНА в городе Аль-Карада Аш-Шати на юге Ливии, были уничтожены три видных лидера террористов, в том числе аль-Махди Салем Дангу [27].

* * *

Таким образом, за два с половиной года, истекших со времени разгрома базы ИГИЛ в Сирте, радикальная организация продемонстрировала большую способность маневрировать, приспосабливаться к новым условиям, использовать любые возможности. ИГИЛ продолжает вести войну против ливийского государства, постепенно восстанавливая силы и перестраивая свою организацию. Теперь это война на изматывание “врага” с высокой отдачей при низких затратах: террористические атаки на побережье выполняются ограниченным числом бойцов, а в Феццане используются небольшие мобильные отряды боевиков на нескольких автомобилях. ИГИЛ смогло сохранить свое присутствие в Ливии, несмотря на ограниченные, самофинансируемые доходы и потерю основных ресурсов.

Новая тактика ИГИЛ, можно сказать, эффективна и эффективна. Только один теракт в английском Манчестере 22 мая 2017 г., в ходе которого ливиец и член ИГИЛ Салман Абеди убил 22 человека и более 100 человек ранил, заставил мировое сообщество поверить, что ИГИЛ в Ливии по-прежнему функционирует. Не менее эффективна тактика запугивания ливийских граждан. Помимо нападения на небольшие населенные пункты и захвата заложников ИГИЛ распространило более 200 имен членов коалиции, сражавшейся против ИГИЛ в Сирте в ходе операции “аль-Буньян аль-Марсус”, которые объявлены потенциальными мишенями для целенаправленных убийств со стороны радикалов.

Будущее ИГИЛ в Ливии напрямую связано с перспективой государственного восстановления

этой страны. Организации такого типа, как ИГИЛ, возникают и могут развиваться там, где рушатся национальные государства и существует вакуум власти, царит хаос и беззаконие. Реальным препятствием для ИГИЛ в Ливии могут стать меры, принимаемые в последний год ЛНА, по освобождению южной Ливии от террористов и восстановлению работы ее нефтяных месторождений. Если эти меры дадут эффект, ИГИЛ в Ливии может столкнуться с невозможностью продолжения прежней деятельности в ливийском Феццане. И наоборот – если в Феццане разразится новый виток межплеменной и межэтнической борьбы из-за нарушения социального и силового баланса в результате военных действий ЛНА или неспособности ПНС и ЛНА работать вместе, ИГИЛ только укрепит свои позиции. Террористическая организация наглядно продемонстрировала, что она способна набирать и накапливать ресурсы в условиях нестабильности.

Основной риск для Ливии, а также для остальной Африки и Европы на данный момент заключается в том, что экстремистские группы, подобные ИГИЛ, могут не только уцелеть, но и расширить свою деятельность в условиях сохранения хаоса и нового витка гражданской войны. При этом надо учитывать, что структуры ИГИЛ после военного разгрома в Сирии и Ираке направили усилия на укрепление горизонтальных связей в “слабых” точках регионов мира – от Афганистана до Юго-Восточной Азии. Отдельные “спящие ячейки” существуют и в Европе, и на территории России. Усиление напряженности на Ближнем Востоке и в Северной Африке может оказаться питательной почвой для усиления экстремистов в глобальном масштабе.

Статья подготовлена в рамках гранта РФФ 19-18-00155 “Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ivanov S.M. Islamic State as a threat to regional and international security. *Russia: arms control, disarmament and international security*. IMEMO supplement to the Russian edition of the SIPRI Yearbook 2014. Москва, 2015, сс. 194-204.
2. Kuznetsov V. The Islamic State: alternative statehood? *Russia in Global Affairs*, 2015, т. 13, no. 4, pp. 44-53.
3. Нечитайло Д.А. Усиление конкуренции за влияние в Сахеле между “Аль-Каидой” и “Исламским государством”. *Теории и проблемы политических исследований*, 2017, т. 6, № 3А, сс. 320-329. [Nechitaylo D.A. Usileniye konkurentsii za vliyanie v Sakhele mezhdru “Al-Kaidoy” i “Islamskim gosudarstvom”] [Increased competition for influence in the Sahel between al-Qaida and the Islamic State]. *Teorii i problemi politicheskikh issledovaniy*, 2017, vol. 6, no. 3A, pp. 320-329.]
4. Хопёрская Л.Л. “Исламское государство” 2.0: нарастающая угроза на евразийском пространстве. *Caucasian Science Bridge*, 2018, т. 1, № 1, сс. 49-62. [Khoperskaya L.L. Islamskoye gosudarstvo” 2.0: narostayushchaya ugroza na evraziyskom prostranstve [Islamic State 2.0: the growing threat in the Eurasian space]. *Caucasian Science Bridge*, 2018, vol. 1, no. 1, pp. 49-62.]
5. Fawaz Gerges. *ISIS: A History*. Princeton, Princeton University Press, 2016. 384 p.
6. Sánchez-Mateos E. Internal dystrophy and international rivalry: the (de-)construction of Libyan foreign policy. *The Journal of North African Studies*, 2019, vol. 24, issue 3, pp. 468-489. Available at: 10.1080/13629387.2018.1454653 (accessed 10.05.2019)
7. McCabe T.R. Send Ground Forces to Destroy ISIS? *Middle East Quarterly*, Summer 2016, pp. 2-12.

8. Lefèvre R. Is the Islamic State on the rise in North Africa? *Journal of North African Studies*, 2014, no. 5, pp. 852-856.
9. Nuruzzaman Mohammed. The challenge of the Islamic State. *Global Affairs*, 2015, vol. 1, issue 3, pp. 297-304.
10. Saïd Haddad. Accord, désaccords et expansion de l'État islamique en Libye. *L'Année du Maghreb*, 2016, no. 15, pp. 205-226. DOI: 10.4000/anneemaghreb.2899
11. Saïd Haddad. La Libye, un État failli? À propos du chaos libyen et de l'échec d'une transition. *L'Année du Maghreb*, 2015, no. 13, pp. 167-191. DOI: 10.4000/anneemaghreb.2588
12. SIS reemerges to wreak havoc in central Libya. *Al-Masdar News*, Lebanon, 15.04.2019. Available at: <https://www.almasdarnews.com/article/isis-reemerges-to-wreak-havoc-in-central-libya/> (accessed 17.04.2019).
13. Fitzgerald M. Les acteurs externes au sein du conflit libyen. *Afkar/idées*, Automne 2015, no. 47, pp. 31-33.
14. La Tunisie vit sous le risque du retour massif d'anciens combattants de Syrie ou de Libye. *El Watan*, December 26, 2016.
15. Bauer M. Islamic State's expeditionary Force in Libya. *Centre for Security Policy*, November 2014.
16. Dumas M. Libye: à Derna, la vie après le groupe État islamique. *Le Figaro*, 21.02.2019.
17. IS Claims Suicide Raid on Libyan High Election Commission in Response to Spox Speech to Hit Election Centers. *SITE Intelligence Group*, 02.05.2018.
18. Puxton M. Comment l'État islamique est revenu en force en Libye. *France Soir*, 10.01.2019. Available at: <http://www.francesoir.fr/en-coop-matteo-puxton/comment-letat-islamique-est-revenu-en-force-en-libye> (accessed 18.04.2019)
19. Pack J. The West Is Letting Libya Tear Itself Apart. *Foreign Policy*, 22.06.2018.
20. Poletti A. Libye: L'État islamique a changé de zone et de stratégie, mais il est toujours présent. *Jeune Afrique*, 19.10.2018. Available at: <https://www.jeuneafrique.com/648121/politique/libye-letat-islamique-a-change-de-zone-et-de-strategie-mais-il-est-toujours-present/> (accessed 07.05.2019).
21. Боевик из ИГ напал на расположение лояльных Хафтару сил в Ливии. *TASS-Online.ru*, 12.04.2019. [Militants from ISIS attacked a location loyal to the Haftar forces in Libya. *TASS-Online.ru*, 12.04.2019 (In Russ.)] Available at: <https://clients.tass-online.ru/?langID=1&SESSID=9spOhsEfb0ORz6p7WCeyTiXuГ> (accessed 03.05.2019)
22. Waleed Abdul Rahman. ISIS Spreads Influence through Libyan Mosques. *Asharq al-Awsat*, 28.07.2018.
23. Kryza F. An emerging caliphate in Libya? *The Arab Weekly*, 03.11.2018.
24. Sami Zeptia. Attorney General's office reveals and confirms details on Libya terror acts since 2011. *Libya Herald*, 29.09.2017.
25. Comment l'Etat islamique est revenu en force en Libye. *France soir*, 10.01.2019. Available at: <http://www.francesoir.fr/en-coop-matteo-puxton/comment-letat-islamique-est-revenu-en-force-en-libye> (accessed 02.05.2019).
26. 13 Terrorists Killed South of Aqeelah, ISIS Founder in Benghazi. *The Libyan Address*, 25.07.2018. Available at: <http://www.addresslibya.com/en/archives/30887> (accessed 01.05.2019).
27. Mahdi Dungo... End of ISIS Desert Army Commander. *The Libyan Address*, 19.01.2019. Available at: <http://www.addresslibya.com/en/archives/40044> (accessed 11.04.2019).

THE TRANSFORMATION OF THE ISIS'S STRATEGY IN LIBYA

(*World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, № 12, pp. 101-108)

Received 26.06.2019.

Aleksei M. VASIL'EV (ns_inafr@mail.ru),

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (IAS RAS), 30/1, Spiridonovka Str., Moscow, 123001, Russian Federation;

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation.

Natalia A. ZHERLITSINA (ns_inafr@mail.ru),

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (IAS RAS), 30/1, Spiridonovka Str., Moscow, 123001, Russian Federation;

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation.

Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project no. 19-18-00155 "Islamic Extremism in the Context of International Security: Threats to Russia and Countercapability".

The article analyzes the prospects of the presence of the terrorist organization "Islamic State" in Libya after the defeat of 2016. Although the Libyan authorities, with help of the international community, managed to deprive the ISIS of its stronghold in Sirte in 2016, the radical organization was able to recover, reorganize and once again claim to determine the future of Libya and the Sahel. The relevance of this study is due to the influence that the growth of radicalism in Libya has on international security, the environments in the Sahel and neighboring Arab and African countries. The situation is complicated by the fact that in Libya, from 2011 to the present time, there is a devastating civil war on calling into question the very existence of the Libyan state, creating a ground for the spread of radicalism and crime in the region and in the Mediterranean as a whole. Based on the analysis of reports from Libyan and Arab news agencies, data from European and American analytical centers, the authors draw conclusions about the prospects

of the ISIS's presence in Libya. Its future will depend on the success of state reconstruction. Organizations of this type emerge and can develop where national states are collapsing and a vacuum of power, chaos and lawlessness arise. The measures taken in the last year by the Libyan National Army to liberate southern Libya from terrorists and to open its oil fields may become a real obstacle for the ISIS there. If these measures have an effect, the "Islamic State" in Libya may face the impossibility of continuing its previous activities in the Libyan Fezzan. Conversely, if a new round of inter-tribal and inter-ethnic struggle breaks out in Fezzan as a result of the disruption of social and power balance due to the LNA campaign or inability of the Government of National Accord and Libyan National Army to work together, the "Islamic State" will only strengthen its positions. The ISIS has clearly demonstrated that it is able to gain and accumulate resources in conditions of instability.

Keywords: Libya, civil war, ISIS, Libyan National Army (LNA), Haftar, Sahel, Fezzan, terrorism, guerrilla tactics, "desert army".

About authors:

Aleksei M. VASIL'EV, Academician, Russian Academy of Sciences, Professor, President Emeritus of IAS RAS.

Natalia A. ZHERLITSINA, Candidate of History, Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-101-108